

Иншань Бу понимал, что ему не тягаться в хитроумии с этими столетними демонами, поэтому оставалось лишь смотреть на Джина максимально искренним и преданным взглядом.

— Можешь рассказать о Джине побольше?

— Хм... Когда закончим с делами, у нас будет уйма времени, чтобы поговорить, — Вермут игриво подмигнула ему и наконец перешла к сути: — Мне нужна твоя помощь.

Юноша сохранял спокойствие, словно был готов к этому:

— Какая помощь?

— Твоя часть задания проста: тебе нужно лишь заменить одного мальчишку твоего возраста и выйти на сцену вместо него на фортепианном конкурсе. Остальное я беру на себя.

Иншань Бу невозмутимо смотрел на эту ослепительную красавицу. Помолчав несколько секунд, он спокойно напомнил:

— Я не умею играть на пианино.

Вермут изогнула красные губы в легкой улыбке:

— Это не имеет значения. В тот момент, когда ты сядешь за инструмент и пригодишься играть, свет погаснет. А дальше — мой выход.

Что ж, она никогда не приходит без причины. Раз уж она заговорила, значит, опасаться нечего — куда страшнее было бы, если бы она продолжала расточать любезности. Иншань Бу успокоился, тревога почти исчезла. Вермут наверняка прекрасно осведомлена о ходе его тренировок, и, даже если она дорожит расположением Джина, она не станет подставлять его под удар в этом задании. Скорее всего, он просто нужен ей как актер, как временный инструмент.

Юноша кивнул, соглашаясь на участие. С его точки зрения, если Джин сообщил ему, что Вермут заберет его с собой, значит, на то было его молчаливое согласие, а потому он должен выложиться на полную.

— Я хочу знать весь план операции, — холодно потребовал юноша.

Какая тяга к контролю. Прямо как у того мужчины, что его приютил. Вермут искоса взглянула на пассажирское сиденье, ее глаза на мгновение блеснули, а алые ногти постучали по рулю.

Поразмыслив, она улыбнулась:

— Без проблем.

Ярко-желтый спорткар медленно въехал в гараж виллы, и тяжелая рольставня бесшумно опустилась позади машины. Иншань Бу последовал за Вермут через маленькую дверцу, ведущую из гаража в сад. Пройдя через элегантный двор в европейском стиле, они постучали в парадную дверь.

Вскоре одна из створок распахнулась, и на пороге показался мужчина средних лет с добродушным лицом. Он вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, мисс Фурукава.

Вермут, оставив солнцезащитные очки в машине и облачившись в элегантное платье, превратилась в утонченную и приветливую молодую леди. Держась с безупречным профессионализмом, она мягко произнесла:

— Здравствуйте, дворецкий Харада. У нас с Кэнъити назначена двухчасовая психологическая консультация. А это мой младший брат, Бу. Он очень интересуется музыкой и, прослышав, что Кэнъити — фортепианный гений, просто не мог не приехать в гости.

Дворецкий Харада с улыбкой кивнул:

— Конечно, добро пожаловать. Молодой господин наверняка будет рад общению со сверстником.

Интерьер виллы также был выдержан в европейском классическом стиле. Пол был устлан толстым барочным ковром темно-красного цвета, поглощающим звуки шагов. Дворецкий повел гостей вверх по винтовой лестнице. В отличие от типичных особняков, где стены украшают огромными картинами маслом, здесь на повороте прорезали изящное арочное окно. Сквозь него, наполовину скрытая пышной зеленью, проглядывала полоска лазурного неба — зрелище было невероятно живописным.

Когда дворецкий распахнул двери в конце коридора, в комнату хлынул солнечный свет.

В центре просторного светлого класса стоял черный рояль. Все окна были распахнуты, и белые тюлевые занавески тихо покачивались на ветру.

Дворецкий с легким вздохом покачал головой, пробормотал извинения, подошел к окнам и закрыл почти все, оставив лишь пару створок для проветривания, и аккуратно поправил шторы.

Затем он направился к большому дивану в углу, наклонился, разглядывая спящего юношу, и раздумывал, стоит ли его будить. Внезапно мальчик по имени Кэнъити резко сел, напугав дворецкого.

Он лукаво усмехнулся:

— Эй, испугались?

Дворецкий вздохнул — он явно привык к проказам своего хозяина — и принялся складывать плед.

— Прошу вас, будьте осторожнее. К вам пришла мисс Фурукава, ваш психолог, а с ней её брат, он тоже любит фортепиано.

Кэнъити бросил взгляд на стоящих в дверях гостей и бросил дворецкому:

— Ага, мисс Фурукава меня предупреждала. Можете идти, я не нуждаюсь в помощи.

Звукоизоляционная дверь закрылась.

Юноша выглядел болезненно худым и бледным, но живая мимика придавала его лицу особую энергичность. Он встал с дивана, потянулся, походкой, напоминающей крупного рыжего кота, подошел к Иншань Бу, заложил руки за спину и обошел его по кругу. Сравнив их рост, он с сомнением спросил:

— Это и есть актер, которого ты нашла? Не слишком ли большая разница в росте?

Иншань Бу: ...

Да он сейчас подпрыгнет и врежет ему головой! И вообще, разница не такая уж большая, всего-то пять сантиметров!

Вермут, прикрыв рот рукой, по-женски изящно рассмеялась:

— Не беспокойся о таких мелочах.

Их главная цель — подобраться к высокопоставленному чиновнику. В последнее время того охраняют особенно тщательно, и, помимо участия в правительственных совещаниях, он почти не покидает свой укрепленный особняк. Посещение фортепианного конкурса — куда более удобная возможность для удара.

А что касается связи между этим юношей и их целью — Кэнъити является родным сыном того самого государственного министра. Его мать происходила из знатного японского рода, а бабушка была членом правления гигантского конгломерата. После смерти всех родственников со стороны матери Кэнъити, будучи единственным ребенком, унаследовал огромное состояние.

Брак родителей Кэнъити был крайне несчастлив, и после смерти матери отношения между отцом и сыном окончательно разладились. Хотя Такамия Масао и поддерживал видимость общения, Кэнъити это презирал: он знал, что отец не испытывает чувств ни к нему, ни к покойной матери, а их встречи — лишь лицемерное шоу. Кто знает, сколько еще полезных сыновей у него на примете.

Будучи болезненным подростком, интересующимся лишь фортепиано, Кэнъити не приносил министру никакой выгоды и не представлял инвестиционной ценности. Редкие звонки и подарки были лишь данью уважения семье покойной жены, чтобы не нажить себе врагов среди влиятельных кланов.

Причина, по которой отец решил рискнуть и появиться на музыкальном конкурсе, проста: дед Кэнъити сейчас при смерти, и министр надеется задобрить сына и его умирающих родственников, чтобы те доверили Кэнъити ему.

Все это Вермут рассказала самому Кэнъити.

— Источник информации — секрет, — Вермут подмигнула, — но я гарантирую стопроцентную достоверность.

Кэнъити, очевидно, уже успел проверить эти сведения, а потому полностью поддержал план Вермут. Он сел за клавиши, небрежно пробежался пальцами по октавам и равнодушно произнес:

— Если нужно разделаться с этим человеком, я с радостью помогу. Если бы не приступ, из-за которого я не могу выйти из дома, я бы с удовольствием сходил туда сам.

— А обязательно, чтобы кто-то выходил на сцену? — Иншань Бу обдумал план и задал резонный вопрос. — Раз это финал национального конкурса, имена участников уже внесены в списки. Неужели его отец будет проверять, кто именно поднялся на сцену?

— Будет, — Вермут посмотрела на него так, будто хотела сказать: Ты слишком недооцениваешь политиков. — Он приедет в зал всего за пятнадцать минут до выступления Кэнъити, чтобы минимизировать риски.

Даже с лицом красавицы эпохи Сёва Вермут выглядела озорной, но, к сожалению, оба мужчины в комнате были несовершеннолетними: один знал её натуру и хотел держаться подальше, а другой был настолько увлечен музыкой, что его можно было назвать «фортепианным романтиком».

Юношеская влюбленность? Забудьте.

Иншань Бу, скрестив руки на груди, стоял у рояля:

— ...Тогда, если не считать личного присутствия, в чем необходимость моего выхода?

— В оргкомитете этого конкурса есть люди Такамии Масао. Если ты снимешься в последний момент, он узнает об этом мгновенно. Твой выход на сцену — сигнал. В тот момент, когда ты сядешь на банкетку, наши люди отключат свет во всем зале. Моя операция требует кратковременной, но абсолютной темноты, а для этого цель должна спокойно сидеть на месте.

Такамия Кэнъити, слушая их разговор, продолжал выводить на клавишах импровизированную мелодию. Она звучала как саундтрек к фильму, подчеркивая напряжение заговорщиков, что вызывало у остальных лишь горькую усмешку.

Он вовремя вставил:

— В финале японского этапа каждый участник исполняет пять произведений, среднее время выступления — 22 минуты... Ну, если вам нужна эта информация.

То есть, при условии, что все пойдет по плану, Иншань Бу действительно нужно лишь отметиться в начале дня и дождаться своего часа.

Надеюсь, так оно и будет.

Убедившись, что у их «инструмента» нет вопросов, Вермут с улыбкой ущипнула Иншань Бу за щеку, обняла за плечи и ласково добавила:

— Конечно, я привела тебя к Кэнъити еще по одной причине. Тебе нужно перенять его манеру речи и поведения, ведь один из судей — его учитель.

Иншань Бу: ...Повтори еще раз?!

— Не волнуйся, мой учитель очень добрый. Обычно мы болтаем о пустяках... кхм, то есть о вещах, на которые очень легко ответить.

Кэнъити посмотрел на безэмоционального юношу у рояля и, прочитав на его лице отчаяние, рассмеялся:

— Учитель правда очень приятный человек. Смотри, это наше совместное фото.

Он снял с рояля небольшую деревянную рамку. На фото перед роялем сидела величественная и элегантная женщина с улыбкой, рядом с ней — маленький мальчик с каштановыми волосами, играющий на пианино, а чуть поодаль стоял мальчик с такими же голубыми волосами, как у женщины, со скрипкой в руках.

Фотография, стоящая на любимом инструменте, явно занимала важное место в его сердце.

— Это мой учитель, Хамаи Миса, всемирно известная пианистка. А рядом со скрипкой — её сын, он моего возраста, сейчас очень неплохо играет.

Вермут заглянула через плечо:

— О, это мисс Хамаи. Когда было сделано фото? Вам здесь лет по десять?

Такамия Кэнъити ответил:

— Это был салон в честь десятилетия Рэна. Мне тоже было около десяти.

Он указал пальцем на мальчика со скрипкой:

— Вот, его зовут Цукимори Рэн.

Иншань Бу помолчал, а затем медленно произнес:

— Чем добрее твой учитель, тем легче мне будет проколоться.

Кэнъити таинственно прошептал:

— На самом деле, перед каждым конкурсом я специально строю из себя холодного сноба, чтобы никто не лез с разговорами. Учитель об этом знает, так что максимум, что она делает — дает пару наставлений и отпускает.

Я уже представляю, что она скажет: не нервничать, играть стабильно, не переигрывать, чтобы не выглядеть хвастливо... Ха-ха, хотел бы я увидеть её лицо, когда она услышит, как я виртуозно исполняю этюды.

У мальчика, которого Вермут назвала фортепианным гением, были светло-русые волосы и янтарные глаза, но когда он говорил о любимом деле, в его взгляде разгорался неугасимый свет. Словно дикий огонь, пожирающий пустошь, он горел в его хрупком теле, не зная конца, пока не превратит его в пепел.

Заразившись этим чувством, юноша, выбранный его дублером, спокойно и по-дружески предложил:

— Могу я послушать программу, которую ты подготовил?

Такамия Кэнъити замер, а затем с сияющими глазами воскликнул:

— Конечно!

<http://bllate.org/book/22546/2381829>